

УДК 069.51: 394.262.5

ОВЕЩЕСТВЛЕННЫЕ КОМПОНЕНТЫ СВЯТОЧНОГО КАЛЕНДАРНОГО ОБРЯДА РУССКИХ КАК ОБЪЕКТ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Кимеева Татьяна Ивановна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: tat-kimeeva@mail.ru

Глушкова Полина Валерьевна, аспирант, преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

Статья посвящена проблемам актуализации святочной обрядности русских Сибири посредством раскрытия информационного потенциала музейных предметов. Музейный предмет рассматривается как овеществленный компонент традиции. Выявлено, что предметы, связанные с традицией и наделенные свойствами сакральности, содержат в себе информацию о ней, необходимо лишь раскрыть их информационный потенциал. Выделяются два типа предметов, связанных с календарным обрядом: ключевые и второстепенные. В собраниях музеев Кемеровской области хранятся музейные предметы, наделяемые сакральной семантикой и используемые в святочной обрядности, в гаданиях, ряженье, славлении и колядовании. Разработаны рекомендации по изготовлению воспроизведений ключевых ритуальных атрибутов методами реконструкции и аналогии.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, календарная обрядность, актуализация культурного наследия, предмет этнографической коллекции, сакральная семантика.

THE EMBODIMENTS OF COMPONENTS OF THE CHRISTMAS CALENDAR RITE OF RUSSIANS AS THE OBJECT OF THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE

Kimeeva Tatyana Ivanovna, Candidate of Culturology, Docent, Docent of Department of Museology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tat-kimeeva@mail.ru

Glushkova Polina Valerievna, Post-Graduate Student, Lecturer, Department of Museology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

The intangible heritage is not detached from the material heritage. The calendar rite in accordance with the classification of museology in the national intangible heritage belongs to the category expressed in physical form aspects of culture and tradition. These objects are a tangible expression of the results: the objects associated with them. Despite the fact that these items are not a subject to the intangible heritage, they are materialized as components of the tradition. Items related to tradition and endowed with the properties of sacredness, contain information about it, you need only open their information potential. Under the sacred in this paper, it refers to a particular semantics, reflecting the ceremonial ritual traditions of Russian Siberia. The Yuletide is a key holiday winter cycle. It belongs to the big holidays, that is, to those who walked a few days or a week. The Christmas time period is rife with ritual actions. As part of the Christmas festivities, it identified such major acts as caroling, glorification, posevanie, mummings, fortune telling, Vecherki, rasstaschikha, horseback riding. Each act is characterized by the use of certain material objects. For divination, they used mirrors, belts, keys, tongs, Pima. For the glorification, they manufacture a special star. When mummings used coats, sewn on clothes bells, armed with iron pots and other metal objects. During the horse riding, they used littered sled embroidered towels. Objects that are used can be divided in dark and minor key. Key items are native ritual semantics. This attribute was created specifically for the rite, and after holding, it is destroyed. Objects of the second group –

minor – do not contain the actual value of the ritual, but endowed with sacred significance committed during ceremonies and built their values. Since the core subjects are practically not represented in museum collections, in the framework of updating, it is necessary to make them play. It identified the two methods of manufacturing plays: reconstruction and analogy. Minor items are well represented in museum collections, but it is necessary to disclose their information potential within actualization.

Keywords: intangible cultural heritage, calendar rites, actualization of cultural heritage, subject of ethnographic collections, sacred semantics.

На сегодняшний день остро стоит проблема сохранения и актуализации нематериального культурного наследия в условиях глобализации и информатизации современного общества. Ведущая роль в области включения нематериального наследия в актуальную среду принадлежит музеям. Современные музеи активно работают в данном направлении: проводятся театрализованные мероприятия, приуроченные к праздникам народного календаря, устраиваются тематические выставки [6]. Актуализация осуществляется двумя способами: воссоздание собственно объектов нематериального наследия и раскрытие семантического потенциала связанных с ними музейных предметов. Объекты нематериального наследия не оторваны от наследия материального. Календарная обрядность в соответствии с принятой в отечественном музееведении классификацией объектов нематериального наследия относится к категории выраженных в физической форме аспектов культуры и традиции [11]. То есть данные объекты имеют материально выраженные результаты: предметы, с ними связанные. Несмотря на то, что данные предметы не являются объектами нематериального наследия, они представляют собой овеществленные компоненты традиции [5, с. 75–76]. Предметы, связанные с традицией и наделенные свойствами сакральности, содержат в себе информацию о ней, необходимо лишь раскрыть их информационный потенциал. Под сакральностью в данной работе понимается особая семантика, отражающая обрядовые ритуальные традиции русских Сибири.

Можно выделить два типа предметов, связанных с календарным обрядом. Предметы-носители ритуальной семантики, то есть собственно ритуальная атрибутика, создаваемая специально для совершения обряда. По окончании же обряда чаще всего такие предметы уничтожались. Соответственно, в музейных собраниях они практически не представлены.

Предметы второй группы – второстепенные – не содержат собственно ритуального значения, но наделяются сакральным значением во время совершаемых обрядов и способствуют раскрытию их значения. Особенностью этих предметов является использование их как ритуалах, так и в быту. Именно предметы второй группы наиболее часто включены в музейные собрания, однако их семантический потенциал остается нераскрытым полностью. Раскрытие области информационного поля музейного предмета, связанной с календарной обрядностью, позволяет использовать их в тематических выставках, посредством которых возможно эффективно осуществлять актуализацию нематериального наследия. На примере святочной обрядности имеется возможность выявления материальных предметов, относящихся к области календарной обрядности русских. Охарактеризовав данные предметы из собраний музеев Кемеровской области, можно наметить новый вектор в области актуализации нематериального культурного наследия в регионе.

Святки – ключевой праздник зимнего цикла. Он относится к большим праздникам, то есть к тем, которые гуляли несколько дней или неделю. Период Святки изобилует обрядовыми действиями. В рамках святочных гуляний выявлены такие основные акты, как колядование, славление, посевание, ряженье, гадание, вечерки, расстасиха, катание на лошадях. Каждый акт характеризуется использованием определенных материальных предметов.

Одним из ключевых актов на Святки являются гадания. Суть гаданий связывается с желанием узнать свою судьбу, что восходит к представлению о периоде Святки как переходном, соответственно, способным оказывать влияние на будущее. Самыми благоприятными для гадания считались Новогодняя ночь и Крещенский сочельник, то есть период так называемых «страшных вечеров» [9, с. 85]. Оптимальным временем были

полночь и временной отрезок после полуночи [8, с. 173]. Места для гаданий также выбирались по определенному принципу: переходные локусы, к которым можно отнести перекрестки, пороги, конец двора и деревни, дороги [9, с. 85]; «нечистые» места: баня, овин [3, с. 21], места у воды: проруби и колодцы; кладбища. Основными участниками гаданий были девушки, в редких случаях – парни [9, с. 85]. Предметы, используемые при гаданиях можно условно разделить на две группы: те, что использовались как средство для установления контакта с потусторонним миром и те, что непосредственно применялись для ворожбы. При гаданиях совершали ряд действий, способствующих разрушению границ между реальным и потусторонним мирами: садились на порог, открывали дверь и печную трубу, снимали пояса, крест и другие обереги [8, с. 173].

Пояс не случайно включался в семантический ряд оберегов. Так, пояса из коллекций музеев Кемеровской области зафиксированы под названием «опояска», что подчеркивает факт окружения им тела человека по линии талии. Круг же, как известно, отражает символику солярного знака – одного из самых сильных оберегов в традиционной культуре многих народов. Кроме того, значение оберегательной символики заключалось в орнаментах тканых поясов русских Сибири. Так, опояска из коллекции Музея истории крестьянского быта с. Красное Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области декорирована орнаментом в виде семи горизонтальных полос-«елочек» разного цвета, чередующихся вершинами в разных направлениях и расположенных по всей длине пояса. Изображение символа дерева восходит к представлениям о «мировом древе» – знаке плодородия и стабильности. Поэтому для презентации календарных обрядов может быть реконструирована подобная опояска в технике тканья, характерной для данного региона. Семантика православного креста не нуждается в комментариях.

Ряд действий должен был оградить от возможного вреда нечистой силы: в порог втыкали топор, чтобы черт дорогу не перешел [3, с. 21]. О том, что топор в традиционной культуре русских наделялся особым сакральным значением свидетельствует предмет из коллекции музея «Археология, этнография и экология Сибири», обна-

руженный кемеровским археологом А. С. Васютиным в окрестностях Сосновского острога. Лезвие топора с двух сторон декорировано изображением дерева (о семантике которого уже упоминалось в связи с орнаментом опояски) с опущенными вниз ветвями – по три с каждой стороны.

Предметы, непосредственно используемые в гаданиях, зависят от его типа. Способы гадания сильно разнятся даже в соседних селеньях. Однако можно выделить такие, которые бытовали практически повсеместно. Таковыми являются:

- подслушивание, то есть определение на основании услышанного своей будущей судьбы;
- определение различными способами той стороны, откуда явится жених;
- гадание с животными;
- гадания, в рамках которых можно увидеть образ будущего жениха;
- гадания, в которых суженый является во сне.

Во время подслушивания на перекрестке чертили круг, чаще всего используя сковородник [10, с. 40], клюку или кочергу [9, с. 88]. В рамках иной разновидности на снегу расстилался пояс, девушка, стоя на нем, связкой ключей царапала по снегу [9, с. 88]. Могли слушать, стуча ложкой или поварешкой в паз новой избы [1, с. 58]. На основе услышанного определяли свою судьбу. Применяемые в гаданиях предметы тесно связаны с женской домашней деятельностью и с очагом: кочергой помешивали угли в печи, сковородник и ухват использовали для вынимания из печи приготовленных блюд, ложка и поварешка служили для вычерпывания и разливания вынутой из печи жидкой пищи, ключами запирали сундуки с добром, которое было частью приданого женщины. Выделяется в этом ряду клюка, но можно предположить, что этот предмет, напоминающий по форме кочергу, появился в обрядах гаданий позднее. Такого типа музейные предметы имеются в коллекциях большинства музеев Кемеровской области, так как период их бытования в среде русских крестьян Сибири датируется с конца XIX до первой половины XX века.

Определить сторону, откуда ждать жениха, можно было различными способами. Одним из самых распространенных было бросание пима через забор [8, с. 173]. Можно высказать предположение, что обувь наделялась особой семантикой, что нашло отражение в сказках народов

мира. Один валенок в этих гаданиях оставался у его владелицы без пары, а второй она бросала за ворота, и это определенным образом символизировало поиск пары для нее самой. Выбор валенка обусловлен тем, что для условий сибирской зимы именно валенки были самым распространенным типом обуви и в некоторых регионах Сибири назывались пимами по аналогии с меховой обувью отдельных автохтонных народов Сибири. Форма валяной обуви, используемой русскими крестьянами в начале XX века сохранилась и в настоящее время и может быть применима при проведении в музее святочных обрядов гадания.

Среди переселенцев был распространен такой способ гадания, как подблюдные песни [4, с. 67–71], исполняемые в горнице за столом. В гадании принимали участие незамужние девушки. За стол усаживалось не более десяти человек, выбиралось соответствующее количество песен. На каждого человека должно было прийти по одной песне. Стол покрывался белой скатертью, каждый из участников подкладывал под скатерть свой кусок хлеба [10, с. 41]. На тарелку складывали 10 колец и закрывали ее наглухо платком. Неучаствующий в обряде вытаскивал кольцо, встряхнув тарелку. Та песня, которая звучала в данный момент, предсказывала судьбу обладательнице кольца [10, 37]. Для подобного вида гадания могут быть использованы атрибуты из реальной действительности, однако необходимо, чтобы они не диссонировали с эпохой, к которой относится бытование календарного обряда. Желательно, чтобы белая скатерть была полотняной или льняной, а кольца – в виде обруча и без щитка.

Определить характер будущего жениха можно было посредством гадания с петухом, перед которым раскладывали различные предметы, имеющие символическое значение, какой петух выберет, такое пророчество и ожидает девушку [14, с. 26]. Инструмент всегда семантически восходил к труду и пророчил работающего супруга, монеты – богача [8, с. 173].

Образ будущего жениха можно увидеть в кольце, в зеркале, а также во сне, предварительно положив под подушку определенный предмет. В Новогоднюю ночь девушки высматривали будущего суженого через кольцо в стакане с водой или в зеркалах [3, с. 23]. Чтобы увидеть суженого во сне, нужно было уложить гребень под

подушку или надеть чулок на ногу и, укладываясь спать, адресовать будущему жениху связанную с этими предметами просьбу [14, с. 26–27]. Зеркало применялось и в другом виде гадания: глядели в него на отражение месяца на небе: сколько месяцев отразится, столько и детей будет. Иногда роль зеркала выполняла икона: смотрели, сколько отблесков будет на иконе при зажжении свечи [4, с. 69]. Зеркала в деревянных резных рамах, которые могут быть использованы в обряде при условии осторожного с ними обращения, имеются во многих музеях Кемеровской области, где есть этнографические коллекции – в Кемеровском областном краеведческом музее, Музее истории крестьянского быта с. Красное, музее «Археология, этнография и экология Сибири» и др. Остальные предметы могут быть изъяты из современной действительности и включены в обряд при условии, что они не диссонировают с отраженным в действе временем. Манипуляция гадающей с чулком без пары, так же как и в случае с валенком, наводит на мысль об обретении пары.

На Крещение и Новый год бытовали такие способы гадания, как пророчество по ложкам. Ложки, налитые водой, ставили на порог и наблюдали: у кого вода замерзла бугром – тому жить, у кого впадиной – тому умереть [14, с. 27]. При использовании в обряде ложек необходимо учитывать тот факт, что традиционно ложка в русской народной культуре имела полусферическую черпательную часть, верхний срез которой имел форму круга, отражающего семантику солярного знака.

Судьбу определяли по количественным характеристикам пророчеств. Кольцом, привязанным к волоску, ударяли по стенкам стакана: сколько ударят, столько лет будет, когда выйдешь замуж [4, с. 69]. В данном виде гадания не только использовано кольцо, наделенное семантикой солярного знака, но и волос гадающей. Волосы, как известно из материалов этнографических исследований, являются вместилищем души человека, что обеспечивало верность предсказания для конкретного лица.

К гаданиям по жребию можно отнести выбор с закрытыми глазами ленты или повойника, вытягивание кольца из чаши с зерном [3, с. 23], вытягивание из-под платка с закрытыми глазами семантически наполненных предметов. Например,

стакан был связан с пьянством, рабочий инструмент – с трудом [14, с. 27]. Выбор ленты при гадании можно объяснить тем, что она повязывается вокруг головы, то есть замыкается в круг, символизирующий солярный знак. Повойник ассоциируется с замужеством – окручиванием девушки во время одного из этапов свадебного обряда. Опыт реконструкции повойника апробирован авторами статьи при презентации обрядовых традиций русских Сибири в работе Всероссийской научно-практической музееологической школы с международным участием [6].

Другим значимым обрядовым актом на Святки является ряжение. Стремление изменить облик восходит к представлению о данном периоде, как о времени, наиболее благоприятном для разгула нечистой силы. Одним из основных свойств персонажей низшей демонологии является способность изменять свой облик. Поэтому желание стать неузнаваемым напрямую связано с суеверными народными представлениями. Наименования ряженных различно в зависимости от региона. Чаще всего их называли «ряжеными», «машкарадниками», «машкированными», «шуликанами», «шулюкинами».

В основном, ряжение приходилось на Новый год [7]. Рядилась обычно женатая молодежь, но бывали и исключения. Однако девушки старались не рядиться [8, с. 174]. «Шуликаны» ходили по домам, разыгрывали шуточные представления, устраивали потехи, могли плясать, петь песни [1, с. 48]. Популярны были забавы с покойником. Покойники ходили по селам в одиночку, в отличие от групп других ряженных, и пугали людей.

Ритуальные костюмы в данном случае являются основой обрядового действия. Способы ряженья отличались в различных селах, но все же можно выделить общие и наиболее употребительные. В. А. Липинская выделяет такие способы, как травести, медведь в вывороченной шубе, коза с рогами, старуха и горбатый старик, цыгане, нищий [8, с. 174]. Е. Ф. Фурсова в качестве основных приемов ряженных отмечает выворачивание шубы наизнанку, использование старой одежды, травести, распускание волос и приделывание искусственных, облачение в белые одежды [15, с. 96]. Т. Н. Золотова выделяет следующие типы ряженных: зооморфные, антропоморфные, нечистая сила и покойники. К зооморфным можно

отнести ряжение гусем, коровой. Широко распространен был способ рядиться конем [4, с. 61–65]. Рядились русалками и чертями с рогами и хвостом [15, с. 100]. Среди антропоморфных костюмов бытовали наряды старика и старухи, цыган, региональной особенностью было ряжение татарками [4, с. 61–65]. Г. В. Любимова также отмечает, что довольно часто рядились теми народами, в непосредственной близости с которыми проживали, популярным нарядом также был костюм шамана и ряжение в представителях различных автотонных народов [9, с. 117]. В XX веке появляется традиция рядиться цыганами, приделывая горб и используя бадожок, облачаться в костюмы других национальностей: паньей, украинкой [15, с. 103].

Таким образом, можно выделить такие типы ряженных, как зооморфные, антропоморфные, нечистая сила, травести. Перевоплощение в новые образы было направлено на отведение внимания нечистой силы, разгулявшейся в период святок, от человека, переключения их внимания на иные почти мифические существа.

Характерными атрибутами зооморфных ряженных являются шкура или тулуп, вывернутый наизнанку, а также изготовленные из подручных средств (предметов быта или непосредственно частей тела животного) рогов, хвоста, гривы, вымени, клюва и т. д. Для создания зооморфного образа ряженных при актуализации календарного обряда может использоваться целенаправленно составленный для этих целей научно-вспомогательный фонд музея, в котором сосредоточены собираемые во время экспедиций и приобретенные в результате случайных находок вышеперечисленные предметы. Либо элементы для перевоплощения в животное или птицу могут быть специально изготовленными реквизитами, но не диссонирующими с исторической эпохой, к которой относится презентуемый обряд.

Антропоморфный тип костюмов ряженных представлен такими разновидностями, как представители других национальностей и старики. При ряжении в другие национальности используются различные элементы одежды и аксессуары, при ряжении в стариков применяется ветхая одежда, также используются горб и бадожок. Элементы ряжения в нечистую силу включают шубу или шкуру, волосы из кудели, тряпочки, пришитые на одежду [15, с. 100], белый цвет в одежде

(при ряженье в покойника). Рядились русалками – распускали волосы и/или ходили в одежде, расшитой полосками ткани. Также ряженные в нечисть традиционно надевали маски, изготовленные из бересты, картона, бумаги, тыквы, чулок, кожи. В масках, разрисованных сажей, делались прорезы для глаз, рта, носа [4, с. 64]. Реконструкция берестяных и тыквенных масок для презентации календарных обрядов в музее зарекомендовала себя в деятельности экомузея-заповедника «Тюльберский городок» и музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета.

На костюмы ряженных подвешивали колокольчики, ботала [15, с. 96]. Отмечается хождение ряженных на ходулях [4, с. 64]. Атрибутикой ряженных являлись музыкальные инструменты (гармоники, балалайки), а также доски, чугуны и т. д. [15, с. 109], ухваты, сковородники, тазики, чашки, ведра. Все эти атрибуты имеют одно общее свойство – металлические детали, с помощью которых производился шум, отвлекающий нечистую силу. Металлические атрибуты были либо медные или латунные (колокольчики, ботала, тазы), либо железные (рабочие части ухватов, сковородников и пр.). По древним воззрениям народов Сибири медь ассоциировалась с землей и ее обитателями, а железо являлось символом подземного мира и одновременно мыслилось маркером небесного громового божества, причастного к небесному огню.

Особую роль играли костюмы коня и покойника, так как ряженные подобным образом принимали участие в отдельных обрядах: вождение коня, вариации игр в покойника. Костюм коня представляет собой следующее: один или несколько человек надевают на себя конскую шкуру, простыню или холст, накрывать коня могли также шубой [15, с. 100]. Из тряпок делается голова, набитая соломой, уши изготавливаются из ухвата или палочек, борода – из льна. На коня надевают хомут, к голове прикрепляют колокольчики и цветные ленты, сажей рисуют глаза и рот, пришивается хвост из конского волоса [4, с. 61]. Вместо ушей могли использоваться вилы, в рукав просовывалась голова, сверху двое накрывались еще одной шубой, вся конструкция подвизывалась опоясками [15, с. 99–100]. Костюм покойника состоял из белой одежды с ног до головы: рубахи,

штанов, носков, холщовой маски с прорезями для глаз и рта. Также в дополнение к данному костюму использовалась тыква, в которой вырезали глаза, рот, зубы, а внутрь ставили горящую свечу [15, с. 104–106], вырезали глаза, куда вставляли бусины [14, с. 15]. Атрибутами покойника были горящая тыква, искусственные зубы. В зубы вставлялась лучина с огнем [3, с. 27]. Покойника шуточно отпевали, а он должен был выскокить в самый неожиданный момент [15, с. 104]. Кроме этого, ряженные с тыквой пели щедровки [14, с. 15]. Часть элементов костюма этих образов в музейных коллекциях не зафиксирована (набитая соломой голова коня, белые одежды покойника, тыква), поэтому при подготовке к обряду может быть подготовлен реквизит, отвечающий требованиям времени, к которому относится реконструируемый обряд. Другие предметы – ухват, льняная кудель, хомут, колокольчики, вилы составляют часть этнографических коллекций и нередко имеются в наличии в дублетном фонде, который может быть использован при презентации календарных обрядов.

Маски ряженных также не сохранялись. Е. Ф. Фурсова отмечает, что маски шеликунов по завершении ряженья обязательно нужно было сжечь [15, с. 110]. Бытовые же предметы, используемые ряженными, сохранялись и являлись потенциальными предметами музейного значения, впоследствии имевшими возможность быть включенными в музейные собрания.

Семантически связан с представлениями о нечистой силе такой обрядовый акт как «рассташшиха». Считалось, что участники ее олицетворяют нечистую силу. «Рассташшиху» устраивали на Новый год и принимали в ней участие холостые и недавно женатые парни. Они раскидывали дрова, замораживали двери, подпирали ворота саними, закрывали дымоход [9, с. 90–91]. *«Могли даже часть забора перенести что его не найдешь потом... Утром встанешь и пойдешь искать его. Но утаскивали недалеко его быстро находили: найдешь и повешаешь»* (Мирошкина Н. Т. с. Красное, Ленинск-Кузнецкого района КО) [12]. Музеи под открытым небом в своих коллекциях или предметах научно-вспомогательного фонда вполне могут иметь такие атрибуты для проведения обряда, как дрова, сани или снятые с петель двери.

Традиция посеваний была характерна, в основном, для переселенческих сел. Данный акт имел продуцирующее аграрное значение. Сеятели воспринимались как предвестники урожая. Подсевания совершались утром Нового года. Группа посевальщиков ходила по домам, где бросала зерно из холщового мешка, из карманов, рукавиц в красный угол [15, с. 114]. Часть предметов для презентации обряда может быть реконструирована (мешки, рукавицы), одежда посевальщиков при этом не должна диссонировать с тем временем, для которого посевание было обыденным явлением.

Другой вариацией хождения по домам является славление, совершаемое утром Рождества. Славельщики заходили в дом, становились у двери и исполняли отрывки из священного писания [8, с. 174]. Их угощали сырчиками, семечками, шаньгами, пирогами. Отмечается традиция усаживать первого славельщика на тулуп, чтоб овцы водились, под шубу – для богатства или на порог, чтоб куры неслись [4, с. 53]. Участниками славлений были дети [8, с. 174]. Процессия славельщиков ходила по дворам с самодельной звездой из бумаги [9, с. 97]. Звезду могли изготавливать из дерева: она представляла собой узкие дощечки в форме двойного креста с прикрепленными на концах бумажными цветами. Бытовали бумажные или деревянные звезды с зажженной внутри свечой. В некоторых местностях вместо звезды носили колесо с красной лентой. Могли изготавливать звезду из фольги [14, с. 15]. Славление обычно начиналось со слов: «Дозвольте прославить Христа», после чего пели отрывки из священного писания [8, с. 174]. Опыт реконструкции звезды славельщиков известен в деятельности Историко-архитектурного музея под открытым небом СО РАН.

К святочной обрядности относится также традиция вечерочных посиделок. Основной целью таких вечеров был выбор пары, для того чтобы в зимний мясоед сыграть свадьбу, поэтому вечерочные игры и танцы были основаны на принципе парности [13, с. 27]. Таким образом, вечерки, призванные ускорить вступление в брак, имели продуцирующее значение, так как молодожены должны были, по народным представлениям, усилить плодородность земли. На вечерки собирались в конце дня [8, с. 174–176].

В вечерках принимала участие молодежь обоего пола: холостые девушки и юноши. Парни выкупали за деньги вскладчину избу у какой-нибудь пожилой одинокой женщины, приносили угощения (конфеты, пряники, орехи). Девушки же давали хозяйке что-нибудь изстряпни. На вечерках играли в круговые игры, сопровождаемые песнями с поцелуями и направленными на выбор пары [8, с. 172]. Среди традиционных игр наиболее распространены были игры «в соседей», «в свадьбу», «в номера», «колечко», «сосед соседку любит», «в стенки» [4, с. 66]. Девушки на вечерки старались нарядиться, соответственно выбирался традиционный праздничный костюм и украшения. В рамках воспроизведения костюмов участников мероприятия также важно прибегнуть к методу реконструкции. Использование подлинных предметов из музейных коллекций исключается, так как присутствует большой риск повредить их. Использование реконструированных костюмов позволяет усилить зрелищность воспроизводимого обряда и презентовать материальное наследие в комплексе с нематериальным. Костюмный комплекс должен отражать культуру русского населения того хронологического периода, к которому относится реконструируемый обряд. Календарный обряд представлял собой праздничное мероприятие, поэтому и одежда должна быть сшита только из покупного текстиля [15, с. 12]. У русских Сибири это были кашемир, шелковые ткани, атлас. Декорировалась одежда кружевом и вышивкой, а женский праздничный костюм дополнялся различными украшениями бусами, серьгами, кольцами. Мужские праздничные рубахи, надетые на выпуск, подпоясывались. Реконструкция одежды может базироваться на фотоматериалах, этнографических описаниях, графических зарисовках, наиболее удачным вариантом является использование всех источников в совокупности. После этого при участии специалиста разрабатывается выкройка, подбирается ткань. Допустимо использование метода аналогии при изготовлении костюма. Юноши могли рядиться в характерных для маскирования персонажей. На вечерках исполняли круговые песни, частушки, устраивали танцы [8, с. 173].

Среди переселенцев из северорусских регионов было распространено катание на лошадях [3, с. 25]. Катание вокруг деревни восходит, ско-

рее всего, к продуцирующему значению. Катания и конные бега совершались на Рождество [4, с. 57], в день Нового года [10, с. 41]. Катались вокруг деревни на конях, украшенных колокольчиками [4, с. 57], высланных коврами и полотенцами. *«Полотенца вышьют и скатерти, ковры какие настелят. Телеги, кошевки, а в кошевках стелятся ковры, на этих коврах сидят девушки, а на коней скатерти одевают, на груди скатерка и под хвост скатерку – это значит рукодельница, у ней и скатерть, и полотенце, и дорожки. И можно замуж выдавать»* (Белова Н. Е., с. Красное, Лениск-Кузнецкого района) [12]. Во время конных бегов делали ставки, а после оспаривали заклад [10, с. 41]. Катались на лошадях все слои населения, в конных бегах же принимали участие, в основном, мужчины. В данном случае атрибутика также может быть изъята из реальной действительности (ковры, колокольчики), но максимально отражать эпоху, к которой относится обряд. Полотенца могут быть реконструированы с вышивкой, отражающей семантику, характерную для русских обрядовых полотенец.

Другим обрядовым актом являлся обычай жечь костры. Их разжигали как на Новый год, так и в остальные дни Святки. Данное действие значило жечь старый год [4, с. 66] или сжигать зиму. *«Зиму сжигали, зиму провожали: костры собирают и зиму жгут. Не жгли снопы, просто жгли костры в любое время, хоть на первое января»* (Белова Н. Е., с. Красное, Лениск-Кузнецкого района) [12]. К святочным актам относится также традиция умываться с серебра, имеющая продуцирующее значение [4, с. 66]. Девушки утром Нового года умывались водой, куда заранее был положен серебряный предмет, что должно было обеспечить им красивый цвет лица и здоровье на будущий год. Другим актом было ставить сноп в красный угол и не убирать его до Крещения [4, с. 66]. Что, скорее всего, также восходит к прогнозирующим действиям. Серебряным предметом может быть опущенная в воду во время презентации обряда монета. А о таком атрибуте, как сноп следует позаботиться в период уборки зерновых с полей и заготовить заранее, включив его в состав научно-вспомогательного фонда музея.

К обрядовым актам Крещения относятся изображение крестов, окуривание домов вере-

ском, традиция смотреть домового. Данные обрядовые элементы тесно связаны с представлениями о нечистой силе. Во время «страшных вечеров» и на Крещение [10, с. 40] принято было рисовать крестики на дверях, окнах, потолке, на входе в хозяйственные помещения [8, с. 176], что способствовало защите жилища и скотины. Кресты изображали мелом или углем в доме и в хлеву [10, с. 37]. Могли также выжигать кресты свечой или рисовать их воском [15, с. 124]. Бытовала традиция влезать на чердак, смотреть, куда будет прятаться домовый [8, с. 176].

Другим актом было сооружение Иорданей – прорубей на реках и озерах в форме креста. Очистительное значение основывалось на соединении христианской и народной интерпретации. Вода из этой проруби считалась священной. Ряженные должны были обязательно искупаться в этой воде, чтобы смыть с себя грехи, а больных вода могла исцелить от недуга [8, с. 176]. По дороге к Иордани расстилалась солома, по бокам втыкались вершинки молодых елочек, потом это растаскивалось по скотным дворам [10, с. 43]. После опускания креста и совершения молитвы вода считалась целебной: ее несли домой и омывали скот, лечили больных в течение года [8, с. 175]. Второстепенным крещенским актом было выпекание крестов (тесто заводили с медом) и разбрасывание их по амбарам до первых посевных [16].

Таким образом, святки считались значимым периодом в народном календаре, прежде всего они были связаны с переходом от одного года к другому. Данный временной отрезок считался рубежом, отсюда представление о Святках как о времени активизации нечистой силы и избытие продуцирующих обрядов, христианские воззрения на данный праздник придали ему очистительное значение. Все данные семантические пласты способны раскрыть музейные предметы и их реконструкция. Реконструкция музейного предмета представляет собой максимально точное воспроизведение с сохранением его формальных, функциональных, технических характеристик, основанное на методе научно-обоснованной реконструкции. Другим вариантом воспроизведения предмета является аналогия. В данном случае предмет моделируется на основании сходства с подлинником, но с определенным процентом отступлений и авторских интерпретаций. При

создании аналогий возможно незначительное изменение характеристик, присущих подлинному предмету. Ключевые же материальные носители должны выполняться только посредством метода реконструкции. В основу реконструкции ложатся этнографические описания, и графические, фото-материалы и подлинные предметы из коллекций музея. Реконструкция может выполняться как специалистом, так и музейным сотрудником (в случае простоты исполнения). При реконструкции важно обратить внимание на материал, форму, технику исполнения, размеры. При невозможности использования традиционных материалов, необходимо найти современные аналоги. Мате-

риал должен копировать подлинный предмет по цветовым и качественным характеристикам. Например, при реконструкции костюмов ряженных допускается использование искусственного меха, но по фактуре и цвету он должен имитировать натуральный, недопустимо использование крашеного меха, особенно в неоновые оттенки. Техника исполнения допускает в данном случае наибольшие вольности, однако, данная вариативность не должна сказаться ни на форме, ни на технических характеристиках. Таким образом, изготовление традиционной атрибутики должно базироваться на совокупности методов научно-обоснованной реконструкции с приемом адаптации.

Литература

1. Болонев Ф. Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX века). – Новосибирск: Наука, Сибир. отд-е, 1978. – 159 с.
2. Глушкова П. В., Кимеева Т. И. Актуализация календарной обрядности в музеях Кемеровской области // Вестн. КемГУ. – 2014. – № 3 (59). – Т. 3. – С. 78–87.
3. Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. – М.: Наука, 1988. – 240 с.
4. Золотова Т. Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX век). – Омск: Издатель-Полиграфист, 2002. – 234 с.
5. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. – М.: Этерна, 2012. – 432 с.
6. Глушкова П. В., Кимеева Т. И., Мелкова С. В. К проблеме реконструкции элементов традиционного головного убора русских Сибири // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики. – Кемерово: Практика, 2014. – С. 477–481.
7. Громыко М. М. Мир русской деревни. – М.: Молодая Гвардия, 1991. – 446 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.chzr.ru/uploadedfiles/site/file/biblioteka/books/2012/mir_russ_derevni.pdf. – Загл. с экрана.
8. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начало XX века. – М.: Наука, 1996. – 269 с.
9. Любимова Г. В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX века. – Новосибирск: Изд-во ИА и Э СО РАН, 2004. – 240 с.
10. Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. – Новосибирск: Наука, Сибир. издат. фирма, 1993. – 167 с.
11. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. – Загл. с экрана.
12. Традиционная обрядность русских Кемеровской области // Архив П. В. Глушковой.
13. Ты игра наша веселая... (игры, записанные в Алтайском крае). – Барнаул: Аз-Бука, 2004. – 66 с.
14. Фольклор Кемеровской области [Текст] / сост. Е. И. Лутовинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 197 с.
15. Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX век). Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. – Новосибирск: АГРО, 2002. – Ч. 1. – 285 с.
16. Фурсова, Е. Ф. Календарные обряды [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/library/fursova/calendar.html>. – Загл. с экрана.

References

1. Bolonev F.F. Narodnyi kalendar' semeiskikh Zabaikal'ia (vtoaria polovina XIX–nachalo XX veka) [Folk calendar Semei Transbaikalia (second half of XIX–beginning of XX century)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie Publ., 1978. 159 p. (In Russ.).
2. Glushkova P.V., Kimeeva T.I. Aktualizatsiia kalendarnoi obriadnosti v muzeyakh Kemerovskoi oblasti [Updating calendar rites in the museums of the Kemerovo region]. *Vestnik KemGU [Bulletin of Kemerovo State University]*, 2014, no 3 (59), vol. 3, pp. 78–87 (In Russ.).

3. Dmitrieva S.I. Fol'klor i narodnoe iskusstvo russkikh Evropeiskogo Severa [Folklore and folk art of the Russian European North]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 240 p. (In Russ.).
4. Zolotova T.N. Russkie kalendarnye prazdniki v Zapadnoi Sibiri (konets XIX–XX vek) [Russian calendar holidays in Western Siberia (the end of XIX–XX centuries)]. Omsk, Izdatel'-Poligrafist Publ., 2002. 234 p. (In Russ.).
5. Kaulen M.E. Muzeefikatsiia istoriko-kul'turnogo nasledii Rossii [The Museum of historical and cultural heritage of Russia]. Moscow, Eterna Publ., 2012. 432 p. (In Russ.).
6. Glushkova P.V., Kimeeva T.I., Melkova S.V. K probleme rekonstruktsii elementov traditsionnogo golovnogo ubora russkikh Sibiri [To the problem of reconstruction of the elements of the traditional headdress of Russian Siberia]/ *Malochislennye etnosy v prostranstve dominiruiushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovaniy i effektivnye instrumenty etnicheskoi politiki* [Minority ethnic groups in the space of the dominant society: practice, applied research and effective tools of ethnic policy]. Kemerovo, Praktika Publ., 2014, pp. 477–481. (In Russ.).
7. Gromyko M.M. Mir russkoi derevni [World of a Russian village]. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 1991. 446 p. Available at: http://www.chzr.ru/uploadedfiles/site/file/biblioteka/books/2012/mir_russ_derevni.pdf (In Russ.).
8. Lipinskaia V.A. Starozhily i pereselentsy. Russkie na Altae XVIII – nachalo XX veka [Old-timers and settlers. Russian Altai XVIII – beginning of XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 269 p. (In Russ.).
9. Liubimova G. V. Vozrastnoi simvolizm v kul'ture kalendarnogo prazdnika russkogo naseleniia Sibiri. XIX – nachalo XX veka [Age symbolism in culture calendar feast of the Russian population of Siberia. XIX – beginning of XX century]. Novosibirsk, SO RAN Publ., 2004. 240 p. (In Russ.).
10. Makarenko A.A. Sibirskii narodnyi kalendar' [Siberian folk calendar]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaiia izdatel'skaia firma Publ., 1993. 167 p. (In Russ.).
11. Rossiiskaia muzeinaia entsiklopediia [The Russian Museum encyclopedia]. Available at: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp> (In Russ.).
12. Traditsionnaia obriadnost' russkikh Kemerovskoi oblasti [Traditional culture of Russian Kemerovo region]. *Arkhiv P.V. Glushkovo*. (In Russ.).
13. Ty igra nasha veselaia... (igry, zapisannye v Altaiskom krae) [You play our fun... (games, recorded in the Altai region)]. Barnaul, Az-Buka Publ., 2004. 66 p. (In Russ.).
14. Fol'klor Kemerovskoi oblasti [The folklore of the Kemerovo region]. Author-composer E.I. Lutovinova. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1997. 197 p. (In Russ.).
15. Fursova E.F. Kalendarnye obychai i obriady vostochnoslavianskikh narodov Novosibirskoi oblasti kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodeistviia (XIX – XXth. Obychai i obriady zimne-vesennego perioda) [Calendar customs and traditions of the East Slavic peoples of the Novosibirsk region as a result of interethnic interaction (XIX–XX century). The customs and ceremonies of the winter-spring period]. Novosibirsk, AGRO Publ., 2002, vol. 1. 285 p. (In Russ.).
16. Fursova E.F. Kalendarnye obriady [Calendar rites]. Available at: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/library/fursova/calendar.html> (In Russ.).